

Мы приходим в мир и умираем в
беспамятстве.

То же случилось и с ним. Он
родился во второй раз, но сначала
должен был умереть. И заплатил за
это свою цену: забыл, кто он
такой.

«Я не существую», — твердил он
снова и снова, ибо то была
единственная доступная ему
истина.

Пуля, пронзившая ему висок,
унесла с собой его прошлое, а
вместе с тем его личность. Но не
затронула общую память и речевые
центры: странное дело, но он
говорил на многих языках.

Эти редкие лингвистические способности — единственное, что было в нем определенного.

Лежа в Праге на больничной койке, он ждал, когда поймет наконец, кто он такой, и вот однажды проснулся ночью и увидел у своего изголовья мужчину, кроткого на вид, с черными волосами, причесанными на косой пробор, с мальчишеским выражением лица.

— Я знаю, кто ты.

Эти слова должны были принести облегчение, но оказались лишь прелюдией к очередной тайне, ибо человек в темной одежде тотчас же положил перед ним два запечатанных конверта.

В одном, объяснил он, находится чек на предъявителя на двадцать тысяч евро и паспорт на вымышленное имя, куда остается только вклеить фотографию.

Во втором — истина.

Посетитель сказал, что он сам должен решить, но торопиться не нужно, времени предостаточно. Ведь узнать о себе все не всегда благо, так что ему предоставляется вторая возможность.

— Подумай хорошенько, — посоветовал он. — Знаешь, сколько людей хотели бы оказаться на твоём месте? Сколько людей мечтают, чтобы амнезия навсегда стерла из памяти все ошибки и падения, всю боль прошлого и можно было бы начать сначала, с чистого листа? Если ты выберешь этот путь, послушайся меня и выбрось второй конверт, даже не открывая.

Чтобы облегчить ему решение, гость рассказал, что там, снаружи, никто не ищет его и не ждёт. Нет у него ни

привязанностей, ни семьи.

И посетитель удалился, унося с собой свои тайны.

А он все смотрел на конверты, смотрел до рассвета и в последующие дни. Что-то подсказывало ему: тот человек знал, что он в итоге выберет.

Проблема была в том, что он сам этого не знал.

То странное ночное предложение подразумевало, что содержимое второго конверта ему вряд ли понравится. «Я не знаю, кто я такой», — твердил он себе, но вскоре понял, что какую-то часть своей личности в состоянии постигнуть: прожить остаток жизни в сомнениях ему не под силу.

Поэтому в вечер перед выпиской из больницы он выбросил конверт с чеком и паспортом на вымышленное имя — чтобы не передумать. Потом вскрыл тот,

где таилась разгадка.

В конверте лежал билет на поезд до Рима, немного денег и адрес церкви.

Сан-Луиджи деи Франчези.

Целый день он искал эту церковь. Отыскав, уселся на скамью в глубине центрального нефа и несколько часов любовался шедевром архитектуры, совершенным слиянием ренессанса и барокко. Туристы, толпившиеся у алтаря, не обращали на него внимания. Его самого ошеломила такая красота. Среди образов, какими питалась его девственная память, ничего подобного, скорее всего, не было: творения, окружавшие его сейчас, вряд ли можно было с легкостью забыть.

И он пока не знал, какое отношение имеет к нему все это.

Когда поздним вечером посетители потянулись прочь из

церкви, подгоняемые близящейся грозой, он спрятался в одной из исповедален. Просто не знал, куда ему еще идти.

Массивные двери заперли, свет выключили, только свечи мерцали в темноте. Снаружи полил дождь. От раскатов грома вздрагивало пламя свечей.

И тогда раздался голос, гулко прозвучавший в пустом здании:

— Маркус, иди посмотри.

Значит, вот как его зовут. Он услышал свое имя, но это не произвело ожидаемого эффекта. Просто набор звуков, ни о чем не говорящий.

Маркус выбрался из укрытия и пошел искать человека, которого видел один-единственный раз, в Праге. Нашел его за колонной: он стоял перед одним из боковых приделов. Стоял спиной к проходу, не двигаясь с места.

— Кто я?

Человек не ответил. По-прежнему смотрел прямо перед собой: на стене маленькой капеллы висели три картины крупного формата.

— Караваджо создал эти полотна между 1599 и 1602 годом. «Призвание», «Вдохновение» и «Мученичество святого Матфея». Мое любимое — последнее. — Он указал на картину, висевшую справа. Потом обернулся к Маркусу. — Согласно христианским преданиям, святой Матфей, апостол и евангелист, был убит.

Святой на картине сбит с ног, и его убийца занес меч, готовясь нанести смертельный удар. Свидетели в ужасе разбегаются, предвидя то, что должно случиться, давая свершиться злу, которое вот-вот восторжествует. Матфей, вместо того чтобы

покориться судьбе, протягивает руку, словно пытаясь остановить острие, избежать мученичества, которое сделает его святым, подарит вечное блаженство.

— Караваджо вел рассеянную жизнь, посещал самые злачные места Рима, и на тот или иной сюжетный ход в картине его частенько наталкивало то, что он видел на улице. В данном случае — насилие. Поэтому попробуй представить себе, что в этой сцене нет ничего святого или душеспасительного, что в ней участвуют обычные люди... Что ты видишь?

Маркус задумался на мгновение:

— Убийство.

Собеседник медленно кивнул и прибавил:

— Кто-то выстрелил тебе в голову в том гостиничном номере в Праге.

Дождь зашумел сильнее, гулким эхом отдаваясь в церкви. Маркус подумал, что ему неспроста показали картину. Ему предлагалось задаться вопросом: кем он сам мог быть в этой сцене? Жертвой или палачом?

— Другие, глядя на эту картину, видят спасение, а я различаю только зло, — признался Маркус. — Почему?

Молния сверкнула за окнами, осветив витражи. Человек улыбнулся:

— Меня зовут Клементе. Мы с тобой священники.

Это открытие Маркуса глубоко потрясло.

— Часть тебя, которую ты забыл, различает признаки зла. Аномалии.

Маркус не мог поверить, что обладает таким талантом.

Тут Клементе положил ему руку

на плечо:

— Есть место, в котором мир света встречается с миром сумерек. Там-то и происходит главное: в краю теней, где все разрежено, смутно, нечетко. Ты был стражем, призванным охранять эту границу. Ибо время от времени что-то прорывается в наш мир. Твоей задачей было изловить это и отправить обратно во мрак.

Последнюю фразу священника заглушил раскат грома.

— Много лет назад ты произнес клятву: никто не должен знать о твоём существовании. Никто и никогда. Только в миг между тем, как сверкнет молния, и тем, как ударит гром, ты можешь назвать себя.

В миг между молнией и громом...

— Так кто же я? — Маркус силился понять.

— Последний представитель
священного ордена. Пенитенциарий.
Ты забыл о мире, однако и мир
забыл обо всех вас. Но когда-то
люди называли вас охотниками во
мраке.

Ватикан — самое маленькое суверенное государство в мире.

Оно занимает не больше половины квадратного километра в центре Рима, за базиликой Святого Петра. Его пределы ограждены крепкими стенами.

Некогда весь Вечный Город принадлежал папе. Но когда в 1870 году Рим был присоединен к новосозданному королевству Италии, понтифик укрылся внутри этого крохотного анклава и оттуда осуществляет свою власть.

Как независимое государство, Ватикан имеет территорию, население и правительственные

структуры. Его граждане разделяются на лиц духовных и светских, в зависимости от того, приняли они обеты или же нет. Некоторые живут внутри стен, иные — за их пределами, на итальянской территории, и каждый день мотаются к месту работы, в одно из множества управлений и ведомств, проходя в какие-то из пяти врат, через которые только и можно проникнуть в Ватикан.

За стенами имеется вся инфраструктура и службы. Супермаркет, почтовое отделение, небольшая больница, аптека, судебная палата, действующая на основе канонического права, и маленькая электростанция. А еще — посадочная площадка для вертолетов и даже железнодорожная станция, правда исключительно для передвижений понтифика.

Государственный язык — латынь.

Кроме базилики, папской резиденции и правительственных зданий, на территории этого маленького города расположены обширнейшие сады и музеи Ватикана; последние ежедневно посещают тысячи туристов со всего мира, которые напоследок восхищаются, задрав носы, великолепным потолком Сикстинской капеллы и фреской Микеланджело «Страшный суд».

Там и случилось чрезвычайное происшествие.

Около четырех, за два часа до официального закрытия музеев, охрана принялась вежливо выпроваживать посетителей, не предлагая никаких объяснений. В то же самое время на остальной территории маленького государства светскому персоналу было предложено удалиться в свои жилища, внутри стен или за их

пределами. Те, кто жил внутри, должны были оставаться у себя вплоть до дальнейших распоряжений. Приказ касался и духовных лиц, которым было велено вернуться в квартиры или удалиться в кельи ватиканских монастырей.

Швейцарская гвардия, корпус папских наемников, которых с 1506 года набирают исключительно в католических кантонах Швейцарии, получила приказ закрыть все входы в город, начиная с ворот Святой Анны. Городской телефон отключили, сотовую связь заблокировали.

К шести часам этого холодного зимнего дня крепость оказалась совершенно отрезана от мира. Никто не мог ни войти, ни выйти, ни связаться с кем-либо.

Кроме двоих человек, которые прошли по двору Святого Дамасо и

Лоджиям Рафаэля.

На всей обширной территории садов была прекращена подача электричества. Шаги их гулко отдавались в абсолютной тишине.

— Быстрее, у нас только полчаса, — поторопил Клементе.

Маркус понимал, что полная изоляция долго не продлится, рано или поздно у кого-то снаружи возникнут подозрения. Друг сообщил ему, что для средств массовой информации наскоро приготовили версию: карантин якобы введен ради проверки нового плана эвакуации в случае угрозы.

Однако настоящую причину следовало держать в строгом секрете.

Оба священника, зайдя в сады, включили фонарики. Сады эти занимают двадцать три гектара, половину всей территории

Ватикана. Есть там сад итальянский, английский и французский; там собраны образцы флоры со всего света. Сады эти — гордость понтификов. Многие папы прогуливались, размышляли, молились среди цветущих растений.

Маркус и Клементе прошли по аллеям, обсаженным кустами букса, которым садовники придали форму, не уступающую мраморным скульптурам. Скользнули в тень высоких пальм и ливанских кедров, под плеск сотен фонтанов, украшающих парк. Попали в розарий, устроенный Иоанном XXIII, где весной расцветали розы, носящие теперь имя святого понтифика.

Из-за высоких стен с римских улиц с их хаотическим движением доносился беспорядочный гвалт. Но там, где они очутились, царила абсолютная тишина и ничто не

нарушало покой.

Но мира здесь все-таки нет, подумал Маркус. Больше нет. Мир нарушен тем, что случилось сегодня днем, когда обнаружили произошедшее.

Там, куда направились пенитенциарии, природу, в отличие от других садов, никто не приручал. В самом центре зеленых легких столицы располагалась зона, где деревья и кусты могут произрастать свободно. Лес площадью в два гектара.

Единственное, что там делали, — это периодически подбирали валежник. Чем, собственно, и занимался садовник, забивший тревогу.

Маркус и Клементе поднялись на холм. С его вершины посветили фонариками вниз, на полянку, в центре которой представители корпуса жандармерии¹ желтой

лентой огородили небольшой участок. Агенты уже исследовали место происшествия, собрали все вещдоки, а потом получили приказ удалиться.

Чтобы смогли прийти мы, сказал себе Маркус. Подошел к натянутой ленте, осветил фонариком и увидел.

Человеческий торс.

Обнаженный. Ему тут же пришел на память Бельведерский торс, изувеченная статуя Геркулеса, которой вдохновлялся Микеланджело, выставленная как раз в музеях Ватикана. Но не было ничего, напоминающего о высоком искусстве, в останках женщины, с которой так зверски расправились.

Кто-то отрубил ей голову, ноги и руки. Части тела были разбросаны на расстоянии нескольких метров, вместе с лоскутами темной одежды.

— Известно, кто она такая?

— Монахиня, — ответил Клементе. — Здесь есть небольшая обитель, очень строгих правил, сразу за лесом. — Он показал рукой вперед. — Имя женщины держат в тайне, это одно из правил ордена, в который она вступила. Но не думаю, чтобы в этом случае имя нам чем-то помогло.

Маркус нагнулся, чтобы лучше рассмотреть. Белая кожа, маленькие груди, пах, бесстыдно выставленный напоказ. Белокурые волосы, очень коротко остриженные, обычно покрытые платом, виднелись теперь на отрубленной голове. Голубые глаза воздеты к небу, словно в молитве. «Кто ты?» — взглядом спросил ее пенитенциарий. Ведь есть судьба хуже смерти: умереть безымянной. «Кто это сделал с тобой?»

— Время от времени сестры гуляли в лесу, — продолжал

Клементе. — Сюда почти никто не заходит, никто не мешает им молиться.

Жертва избрала затворничество, подумал Маркус. Приняла постриг, чтобы вместе с сестрами жить вдали от человечества. Никто не должен был больше увидеть ее лицо. Но вместо этого ее тело послужило непристойной демонстрацией чьей-то злобы.

— Выбор этих сестер понять нелегко, многие считают, что лучше творить добро среди людей, чем затворяться в стенах монастыря, — рассуждал Клементе, будто читая мысли товарища. — Но моя бабушка всегда говорила: «Ты не представляешь, сколько раз эти сестры спасали мир своими молитвами».

Маркус не знал, во что ему верить. Насколько он понимал, перед лицом такой смерти мир вряд

ли что-то могло спасти.

— За многие века здесь не случилось ничего подобного, — прибавил друг. — Мы к этому совсем не подготовлены. Жандармерия проведет внутреннее расследование, но она не располагает необходимыми техническими средствами. Нет ни судмедэксперта, ни криминалистов. Не будет ни вскрытия, ни проверки отпечатков пальцев, ни анализа ДНК.

Маркус повернулся к нему:

— Тогда почему не попросить помощи у итальянских властей?

В соответствии с договорами, заключенными между двумя государствами, Ватикан мог в случае необходимости прибегнуть к помощи итальянской полиции. Но помощь эта требовалась только для того, чтобы следить за толпами паломников, наводнявших базилику,

или предотвращать мелкие кражи на площади перед ней. Полномочия итальянской полиции заканчивались у подножия лестницы, ведущей к Святому Петру. Во всяком случае, если не было специального обращения.

— Этого не будет, все уже решено, — отрезал Клементе.

— Как же мне проводить расследование внутри Ватикана — ведь меня заметят и, хуже того, узнают, кто я такой?

— Но ты и не станешь проводить его здесь. Кто бы это ни сделал, он явился извне.

Маркус ничего не понимал.

— Откуда тебе это известно?

— Мы знаем его в лицо.

Такой ответ ошеломил пенитенциария.

— Тело лежит здесь по меньшей мере восемь-десять часов, — продолжал Клементе. — Этим

утром, очень рано, камеры видеонаблюдения зафиксировали в зоне садов подозрительного человека. Он был одет как служитель, но, похоже, униформа была украдена.

— Почему он?

— Сам посмотри.

Клементе протянул ему распечатку фотографии. Человек, одетый в форму садовника, лицо частично скрыто под козырьком кепки. Европеоидной расы, возраст неопределенный, но, скорее всего, за пятьдесят. Серая сумка через плечо, на дне — пятно более темного оттенка.

— Жандармы уверены, что в этой сумке лежал топорик или нечто подобное. Его недавно использовали: пятно, которое ты видишь, скорее всего, кровь.

— Почему топорик?

— Только такое оружие он мог

бы здесь найти. Извне через кордоны, охрану, металлодетекторы он пронести ничего не мог, это исключено.

— Но он все-таки унес орудие преступления с собой, чтобы замести следы, в случае если жандармы обратятся к итальянской полиции.

— На выходе все гораздо проще, там нет контроля. И потом, чтобы уйти, не бросаясь в глаза, достаточно смешаться с толпой паломников или туристов.

— Садовый инвентарь...

— Сейчас как раз проверяют, все ли на месте.

Маркус снова взглянул на останки молодой монахини. Непроизвольно стиснул медальон, который носил на шее: архангел Михаил с огненным мечом. Покровитель пенитенциариев.

— Нам пора, — объявил

Клементе. — Время вышло.

Тут из леса донеслись шорохи. Кто-то двигался по направлению к поляне. Маркус поднял глаза и увидел, что в темноте обозначилась вереница теней. У некоторых в руках были свечи. При слабом свете этих огоньков он распознал фигуры с покрытыми головами. Лица занавешены темной тканью.

— Это сестры, — шепнул Клементе. — Пришли забрать тело.

При жизни только они могли видеть ее лицо. После смерти они единственные могли позаботиться о погребении. Таково правило.

Клементе и Маркус отошли в сторону. Сестры молча окружили жалкие останки. Каждая из них знала, что ей делать. Кто-то расстелил белое полотно, другие стали подбирать с земли фрагменты тела.

Только тогда Маркус расслышал

звуки. Согласный гул,
происходящий из-под ткани,
закрывающей лица. Литания. Они
молились на латыни.

Клементе схватил Маркуса за
руку и потащил прочь, но в этот
момент одна из сестер прошла
рядом. И он отчетливо расслышал
фразу:

— *Nic est diabolus.*

Дьявол здесь.

¹ Корпус жандармерии Ватикана отвечает за безопасность, общественный порядок, пограничный контроль, контроль дорожного движения, уголовный розыск и выполняет другие общие полицейские обязанности в Ватикане.

Часть первая
Соляной мальчик

1

У ног Клементе лежал холодный ночной Рим.

Никто бы не сказал, что человек в темной одежде, прижавшийся к балюстраде, — священник. Дворцы и купола простирались под ним, базилика Святого Петра выше прочих. Величественная панорама, открывающаяся с холма Пинчо, неизменная в веках, на фоне которой всегда кишела жизнь, крохотная и брeнная.

Клементе смотрел на город, не оборачиваясь на звук шагов,

раздававшихся за его спиной.

— Ну, что скажешь? — спросил он, не дожидаясь, пока Маркус подойдет.

— Ничего.

Клементе кивнул, нисколько не удивившись, потом повернулся к другу-пенитенциарию. У Маркуса был измученный вид, на лице многодневная щетина.

— Сегодня исполняется год.

Клементе молча заглянул ему в глаза. Он знал, о чем речь: исполнился год с того момента, как в садах Ватикана нашли расчлененный труп монахини. За этот немалый срок расследование пенитенциария ни к чему не привело.

Никаких следов, никаких улик, даже ни единого подозрения.
Ничего.

— Думаешь отступить? — спросил он Маркуса.

— А что, разве я могу? — вскинулся тот. Убийство монахини явилось для него суровым испытанием. Охота за человеком, запечатленным на фотографии с камер видеонаблюдения, — европеоидной расы, за пятьдесят — оказалась безуспешной. — Никто его не опознал, никто его не видел. Мы знаем его в лицо, вот что меня больше всего бесит. — Маркус помолчал, глядя на друга. — Нужно перепроверить всех мирян, работающих в Ватикане. А если опять ничего не всплывет, приняться за священников.

— Никто из них не похож на фотографию — к чему терять время?

— Кто может поручиться, что убийце никто не помогал? Не покрывал его? — Маркус никак не мог успокоиться. — Ответ — там, в стенах Ватикана; там я и должен

вести расследование.

— Ты же знаешь, существует запрет. Тебе туда нельзя по причине секретности.

Маркус знал, что секретность — отговорка. Просто в Ватикане боялись, что, сунув нос в дела церкви, он обнаружит нечто вовсе не относящееся к данной истории.

— Я заинтересован только в том, чтобы поймать убийцу. — Он встал лицом к другу. — Ты должен убедить прелатов снять запрет.

Клементе махнул рукой, с ходу отметая это предложение как несусветную глупость.

— Я даже не знаю, кто обладает достаточной властью, чтобы это сделать.

Под ними на площади дель Пополо роились туристы, выехавшие на ночную экскурсию по достопримечательностям Рима. Знают ли они, что именно там

когда-то росло ореховое дерево, под которым похоронили императора Нерона, «монстра», приказавшего, как о том твердили его враги, в 64 году после Рождества Христова поджечь Рим? Римляне верили, что это место населено злыми духами. Поэтому в XI веке понтифик Пасхалий II повелел сжечь ореховое дерево вместе с откопанным прахом императора. Потом там построили церковь Санта-Мария дель Пополо, где до сих пор на главном алтаре можно увидеть барельеф, изображающий, как папа римский собирается рубить дерево Нерона.

Вот он, Рим, пронеслось в голове у Маркуса. Место, где за любым фасадом скрывается очередная тайна. Весь город окутан легендой. И никто не смеет по-настоящему проникнуть в скрытый смысл вещей. Все, что угодно, только не возмутить душевный покой этих

людей. Мизерных, ничтожных созданий, не ведающих, какая война постоянно скрытно ведется вокруг них.

— Придется так или иначе смириться с тем, что мы никогда его не поймаем, — сказал Клементе.

Но Маркус не желал сдаваться.

— Кто бы ни был этот человек, он знал, как вести себя внутри стен. Он изучил местность, процедуры контроля: ему удалось обмануть службу безопасности.

То, что он сделал с монахиней, — зверство, скотство. Но то, как он это сделал, выдает некую логику, продуманный план.

— Я понял одну вещь, — с уверенностью проговорил пенитенциарий. — Выбор места, жертвы, способа казни — все это послание.

— Кому?

Nic est diabolus, подумал Маркус.

Дьявол вторгся в Ватикан.

— Кто-то хочет сообщить, что в Ватикане обитает нечто ужасное. Это доказательство, понимаешь? Некий тест... Он предвидел дальнейшее: возникнут затруднения и расследование застопорится. В высоких сферах предпочтут оставить нас во власти сомнений, только бы не докопаться до правды, ведь неизвестно, что может выйти на свет. Может, очередная погребенная истина.

— Это серьезное обвинение, ты не находишь?

— Разве ты не понимаешь, что именно этого и хотел убийца? — упрямо гнул свое Маркус.

— Почему ты так в этом уверен?

— Иначе он убил бы снова. Но не убил: ему достаточно знать, что сомнение пустило корни и что зверское убийство несчастной монахини — ничто перед лицом

более ужасных тайн, которые любой ценой следует хранить.

Клементе заговорил в своем обычном примирительном тоне:

— У тебя нет доказательств. Это только теория, плод твоих размышлений.

Но Маркус не отступал.

— Прошу тебя: дай мне поговорить с ними, я постараюсь их убедить. — Он имел в виду церковных иерархов, от которых друг получал инструкции и задания.

С тех самых пор, как три года назад Клементе нашел его, потерявшего память, полного страхов, на больничной койке в Праге, Маркус ни разу не слышал от него лжи. Часто он дожидался подходящего момента, чтобы раскрыть другу глаза, но не солгал ни разу.

Поэтому Маркус ему доверял.

Можно даже сказать, что

Клементе заменял ему семью. В эти три года, за редким исключением, он представлял собой единственную связь пенитенциария с человеческим родом.

«Никто не должен знать о тебе и о том, что ты делаешь, — постоянно твердил он. — На карту поставлено само существование того, что мы представляем, и исполнение задачи, которая нам доверена».

Его наставник всегда говорил, что высшим кругам известно только то, что он существует.

Один Клементе знает его в лицо.

Когда Маркус спросил, к чему такая секретность, друг ответил ему: «Так ты сможешь защитить их от них самих. Разве не понятно? Если все прочие меры окажутся бесполезными, если барьеры рухнут, кто-то должен стоять на страже. Ты — последняя линия обороны».

И Маркус все время задавался вопросом: если он — самая нижняя ступень этой лестницы, человек для тайных поручений, преданный слуга, которого призывают, когда надо погрузить руки в материю тьмы, выпачкать их, а Клементе — всего лишь связной, то кто находится на вершине?

В эти три года он старался как мог, стремился выглядеть верным вассалом в глазах того, кто — в этом Маркус был уверен — оценивал с высоты все, что он делает. Надеялся, что это позволит ему пробиться в высшие сферы, познакомиться с кем-то, кто объяснит наконец, чему служит столь неблагодарная миссия. И по какой причине именно его избрали для ее выполнения. Утратив память, он не мог сказать, насколько давним было такое решение, играл ли он, Маркус, до Праги какую-то иную

роль.

Ничего подобного.

Клементе передавал ему приказы и поручения, исходившие, по видимому, от Церкви в ее неизменной и порой неизреченной мудрости. И все-таки за каждым поручением просматривалась чья-то тень.

Всякий раз, когда он хотел узнать больше, Клементе закрывал тему, произнося одну и ту же фразу, терпеливо, с кротким, добродушным выражением на лице. Чтобы обуздать претензии Маркуса, он и сейчас, на террасе, перед блеском, скрывающим тайны города, произнес эти слова:

— Нам не подобает спрашивать, нам не подобает знать. Нам подобает лишь повиноваться.

2

Три года назад врачи сказали, что он родился во второй раз.

Неправда.

Он умер, и все. А удел мертвых — исчезнуть навсегда или остаться призраком в предыдущей жизни, будто в заточении.

Таким он себя ощущал. *Я не существую.*

Печален удел призрака. Он наблюдает за серыми буднями живых, за их страданиями, за их стремлением угнаться за временем, за тем, как они впадают в бешенство

по пустякам. Смотрит, как они борются с проблемами, которые судьба перед ними ставит каждый день. И завидует им.

Обиженный призрак, сказал он себе. Вот кто я такой. Ведь живые всегда будут иметь перед ним преимущество. У них есть выход: они еще могут умереть.

Маркус бродил по улочкам старого города, люди шли мимо, его не замечая. В толпе он обычно замедлял шаг. Ему нравилось, когда прохожие второпях задевали его. Эти мимолетные прикосновения только и позволяли ощущать, что он еще принадлежит к человеческому роду. Но умри он здесь и сейчас, его тело подобрали бы с мостовой, отвезли в морг, а поскольку никто бы не явился затребовать труп, похоронили бы в безымянной могиле.

Такова цена служения. Дань,

выражающаяся в безмолвии и самоотречении. Но порой стоило труда это принять.

Район Трастевере всегда был сердцем народного Рима. Чуждый благородному величию дворцов в историческом центре, он обладал особым очарованием. Смену эпох наглядно выражала архитектура — средневековые строения соседствовали с особняками восемнадцатого века: история сгладила противоречия. Сампьетрини — бруски из темного порфира, которыми со времен папы Сикста V мостили улицы Рима, — казались покровом из черного бархата, наброшенным на узкие, извилистые улочки, и шаги прохожих, ступавших по камням, отдавались гулким, ни с чем не сравнимым звуком. Эхом старины. Так что у любого, кто забредал в эти места, складывалось впечатление,

будто он переместился в прошлое.

Маркус замедлил шаг, остановился на углу улицы дела Ренелла. Людской поток, каждый вечер захлестывавший квартал, мирно продолжал струиться перед ним под музыку и гомон, долетавшие из ресторанчиков, которые привлекали в Трастевере молодых туристов из половины мира. Люди эти, какими бы они ни были разными, в глазах Маркуса ничем не отличались друг от друга.

Стайкой промчались двадцатилетние американки в слишком коротких шортах, насквозь промокшие: они, наверное, ошибочно полагали, будто в Риме всегда стоит лето. С ногами, посиневшими от холода, они ускоряли шаг, кутаясь в толстовки с логотипом колледжа, высматривая бар, где можно укрыться от дождя и пропустить стаканчик, чтобы

согреться.

Влюбленная пара лет сорока вышла из траттории. Помедлила в дверях. Она смеялась, он обнимал ее за талию. Женщина чуть откинулась назад, положив руку на плечо партнера. Тот внял призыву и поцеловал ее. Бенгалец, торгующий вразнос розами и спичками, заметил это и остановился, дожидаясь, пока закончится изъяснение пылких чувств, в надежде, что пара захочет озаглавить встречу покупкой цветка или им просто захочется покурить.

Трое парней слонялись, держа руки в карманах, озираясь вокруг. Маркус был уверен, что они ищут кого-то, кто им продаст наркотики. Они еще этого не знали, но с другой стороны улицы к ним шел алжирец, готовый удовлетворить их запросы.

Благодаря своей способности оставаться невидимым, Маркус

невозбранно наблюдал за людьми и их маленькими слабостями. Но это мог проделывать любой наблюдатель, умеющий концентрировать внимание. Его дар — его проклятие — заключался в другом.

Он видел то, чего не видели другие. Видел зло.

Он умел различать его в деталях, в аномалиях. Крохотных прорехах в ткани обыденности. Инфразвук, исходящий из хаоса.

С ним это случалось постоянно. Он обладал этим даром против своего желания.

Сначала он увидел девочку. Она кралась вдоль стен, темное пятно, скользящее по облупленной штукатурке фасадов. Шла сгорбившись, потупив взгляд, сунув руки в карманы кожаной куртки. Пряди ярко-розовых волос закрывали лицо. Ботинки на

каблуках прибавляли ей росту.

Маркус заметил мужчину, шедшего впереди, только потому, что тот замедлил шаг и обернулся, чтобы проверить, идет ли она следом. Бросил на нее такой взгляд, будто дернул за ошейник. Мужчине явно было за пятьдесят. Светлое кашемировое пальто, коричневые ботинки, дорогие, начищенные до блеска.

Неопытному наблюдателю могло показаться, будто это отец и дочь. Он, менеджер или специалист с именем, забрал из злачного места строптивную девчонку и ведет ее домой. Но все было не так просто.

Когда они добрались до двери, мужчина пропустил девушку вперед, но потом сделал нечто выбивающееся из сюжета: прежде чем в свою очередь переступить порог, огляделся, дабы убедиться, что никто не следит за ним.

Аномалия.

Зло проходило перед ним ежедневно, и Маркус знал, что решения нет. Никто не в силах исправить все несовершенства мира. И, хоть и скрепя сердце, он усвоил новый урок.

Чтобы пережить зло, иногда нужно сделать вид, будто его не замечаешь.

Чей-то голос отвлек его от созерцания закрывающейся двери.

— Спасибо, что подвезла, — говорила подруге блондинка, выходя из автомобиля.

Маркус забился в угол, и она прошла мимо, глаз не сводя с экранчика сотового, который сжимала в руке. В другой руке она несла большую сумку.

Маркус часто приходил сюда только затем, чтобы на нее посмотреть.

Они встречались раза четыре, не

больше, когда эта женщина, почти три года назад, приехала из Милана в Рим, чтобы выяснить, как погиб ее муж. Маркус хорошо помнил все, что они друг другу сказали, вплоть до последнего слова, и ее лицо, до малейшей черты. Одно из благодатных последствий амнезии: новая память, готовая пополняться.

Сандра Вега была единственной женщиной, с кем он общался все это время. И единственным посторонним человеком, кому открыл, кто он такой.

Он помнил слова Клементе. В прежней своей жизни Маркус принес клятву: никто не должен знать о его существовании. Он невидим для всех. Пенитенциарий мог показать себя, выдать свою истинную сущность *только в миг между тем, как сверкнет молния, и тем, как ударит гром*. Хрупкий отрезок времени, который может

продлиться миг, или маленькую вечность, кто знает. Все возможно на гребне волны, когда воздух насыщен волшебной энергией, трепещет ожиданием, — там все постижимо. В этот момент, ненадежный, нечеткий, призраки вновь приобретают человеческие очертания. И являются живым.

Это случилось и с ним — во время мощной грозы, на пороге ризницы. Сандра спросила, кто он такой, и он ответил: «Я — священник». Он рисковал. Сам даже точно не знал почему. Или знал, но только сейчас смог себе признаться.

Он испытывал к этой женщине странное чувство. Было между ними что-то общее. Кроме того, Маркус ее уважал, ведь ей удалось оставить боль позади. Она выбрала этот город, чтобы начать все сначала. Попросила перевести ее в другое отделение, сняла маленькую

квартирку в Трастевере. Завела новых друзей, обрела новые интересы. Снова стала улыбаться.

Маркуса всегда изумляли перемены. Наверное, потому, что ему измениться было невозможно.

Ему были известны передвижения Сандры, ее расписание, ее маленькие привычки. Он знал, куда она ходит за продуктами, где любит покупать одежду, в какой пиццерии обедает по воскресеньям после похода в кино. Иногда, как сегодня вечером, она поздно возвращалась домой. Но не казалась расстроенной, только усталой: допустимый осадок напряженно проживаемой жизни, состояние, которое снимается горячим душем и спокойным сном. Окалина счастья.

Порой, в один из тех вечеров, когда он поджидал ее, стоя под окнами ее дома, Маркус думал, что

было бы, если бы он вышел из тени ей навстречу. Возможно, она его и не узнала бы вовсе.

Но Маркус ни разу так не поступил.

Вспоминала ли о нем Сандра? Или оставила его позади вместе с болью? От одной этой мысли на душе кошки скребли. Как и от той, что, имея он даже мужество к ней подойти, это было бы бесполезно, ведь продолжения не могло последовать.

И все-таки он не мог отказаться от привычки искать ее.

Он смотрел, как Сандра входит в дом и, через окна парадной, как она поднимается по лестнице до своей квартиры. Вот остановилась у двери, роется в сумке, ищет ключи. Но дверь отворилась, и на пороге возник мужчина.

Сандра улыбнулась ему, а он наклонился и поцеловал ее.

Маркус хотел бы отвести взгляд, но не сделал этого. Смотрел, как они вошли в квартиру и закрыли за собой дверь. Оставили снаружи прошлое, призраков вроде него и все зло мира.

Звуки электроники. Мужчина, голый, растянулся лицом вверх на супружеском ложе. В ожидании играет в игру на сотовом телефоне. Поставил паузу, поднял голову над выступающим животом.

— Эй, ты, поторопись, — окликнул он девчонку с ярко-розовыми волосами, которая в ванной вкальвала себе в руку дозу героина. Потом вернулся к игре.

Вдруг на лицо ему опустилось что-то мягкое, приятное на ощупь. Но ощущение от кашемира продлилось всего миг, потом мужчина стал задыхаться.

Кто-то с силой прижимал ему к

лицу его собственное пальто.

Он инстинктивно замолотил ногами, задвигал руками, ища, за что бы уцепиться: он захлебывался, но не в воде. Схватил за руки незнакомца, прижавшего его к кровати, пытаясь высвободиться, но тот, кто бы он ни был, оказался сильнее. Хотел завопить, но из горла вышли только жалкие булькающие хрипы. Потом услышал, как кто-то шепчет ему на ухо:

— Ты веришь в привидения?

Он был не в состоянии говорить. И даже если бы смог, не знал бы, что ответить.

— Что ты за монстр такой: оборотень, вампир?

Он захрипел. Цветные точки, плясавшие перед глазами, превратились в сверкающие огни.

— Должен ли я выстрелить в тебя серебряной пулей или вонзить в

сердце осиновый кол? Знаешь, почему осиновый, а не из какого-то другого дерева? Потому что крест, на котором распяли Христа, был сделан из осины.

Сила отчаяния только и могла ему помочь, поскольку организм уже поддавался удушью. Ему пришли на память объяснения инструктора по подводному плаванию, во время поездки на Мальдивы с женой и детьми два года назад. Все, что советовал он делать при первых симптомах кислородного голодания. Сейчас это не спасло бы его, но он все равно вспомнил. Для развлечения они ныряли у коралловых рифов, мальчишкам нравилось. Хороший выдался отпуск.

— Я хочу, чтобы ты родился заново. Но сначала ты должен умереть, — заявил незнакомец.

Мысль о том, что он захлебнется,

утонет в себе самом, привела его в ужас. Не сейчас, не теперь, беззвучно взмолился он. Я еще не готов. Тем временем силы иссякали. Пальцы его разжались, он отпустил противника и только бессмысленно махал руками.

— Я знаю, каково это, умирать. Еще немного, и все будет кончено, сам увидишь.

Руки мужчины вытянулись вдоль тела, он дышал с трудом, воздуха не хватало. Я хочу позвонить, подумал он. Всего один звонок. Попрощаться.

— Ты теряешь сознание. Когда очнешься — *если* очнешься, — ты вернешься к семье, друзьям, всем, кто хоть немного любит тебя в этом гнусном мире. И ты станешь другим. Они никогда ни о чем не узнают, но ты-то будешь знать. И если тебе повезет, ты забудешь об этой ночи, этой девчонке и о других

таких же, как она. Но обо мне ты никогда не забудешь. И я не забуду о тебе. Потому что, послушай... Я спасаю тебе жизнь. — И он произнес четко, по слогам: — Постарайся быть этого достойным.

Мужчина больше не шевелился.

— Он мертв?

Девчонка смотрела, стоя у изножья кровати. Она была голая и слегка покачивалась. На руках синяки от многочисленных инъекций.

— Нет, — сказал Маркус, убирая с лица мужчины кашемировое пальто.

— Кто ты такой? — Одурманенная наркотиком, она щурилась: вся сцена, видимо, расплывалась у нее перед глазами.

Маркус заметил на тумбочке бумажник. Взял его, вынул оттуда все деньги. Встал и двинулся к девчонке, которая инстинктивно

отпрянула, рискуя потерять равновесие. Он схватил ее за руку и вложил деньги в ладонь. И приказал строго:

— Убирайся отсюда.

Девчонка долго пыталась осмыслить услышанное, скользя взглядом по лицу Маркуса. Потом нагнулась, подобрала вещи и стала одеваться, одновременно пятясь к двери. Открыла ее, но перед тем, как уйти, обернулась, будто о чем-то забыла.

И показала на свое лицо.

Инстинктивно Маркус тоже поднял руку и нащупал что-то липкое у себя в ноздрях.

Кровотечение.

У него всегда шла носом кровь, когда он решался забыть на время недавно усвоенный урок: нужно сделать вид, будто не замечаешь зло, чтобы его пережить.

— Спасибо, — сказал он, будто

эта девочка спасла его, а не
наоборот.

— Не за что.

3

То было их пятое свидание.

Они встречались уже около трех недель. Познакомились в спортивном зале. Ходили туда в одни и те же часы. Девушка подозревала, что парень нарочно так подгадал, и это ей льстило.

— Привет, я — Джорджо.

— Диана.

Ему исполнилось двадцать четыре года, она была тремя годами моложе. Он учился в университете, уже писал диплом. По экономике. Диану сводили с ума его кудрявые

волосы и зеленые глаза. И улыбка, открывавшая безупречные зубы, разве что немного выступал левый резец. Эта выбивающаяся из ряда деталь ей невероятно нравилась. Ведь избыток совершенства утомляет.

Диана знала, что она хорошенькая. Невысокая, но фигурка ладная, все на месте; карие глаза и прекрасные черные волосы. Закончив среднюю школу, она не стала дальше учиться, а поступила продавщицей в парфюмерный магазин. Платили там немного, но ей нравилось давать клиентам советы. К тому же хозяйка магазина была к ней очень расположена. Но на самом деле она хотела одного: встретить хорошего парня и выйти замуж. Вряд ли можно сказать, что она слишком многого требует от жизни. А Джорджо как раз и мог оказаться «тем самым».

Они поцеловались уже в первую встречу, потом продолжили, но до конца так и не дошли. Пребывали в приятном возбуждении, от которого все вокруг казалось прекрасным.

В то утро ей на мобильник пришло сообщение:

Заеду за тобой в девять? Люблю тебя.

Эсэмэска неожиданно придала ей невероятную энергию. Много раз она спрашивала себя, из чего состоит счастье. Теперь она знала, что счастье — тайна, которую невозможно открыть окружающим. Будто бы кто-то создает это ощущение специально для тебя.

Счастье исключительно.

Счастье Дианы воплощалось в каждой ее улыбке, в каждом слове в течение всего дня, когда она всех заражала весельем. Наверное, клиенты и другие продавцы заметили это. Конечно заметили.

Она наслаждалась ожиданием, и сердце то и дело принималось биться сильнее, напоминая, что свидание приближается.

В девять часов, когда она спускалась по лестнице к Джорджо, который ждал внизу, это счастье, уже не связанное с ожиданием, приобрело другую форму. Диана была благодарна за этот день. И если бы не скрытое в нем обещание будущего, она бы хотела, чтобы день этот никогда не кончался.

Диана подумала о последней эсэмэске Джорджо. Она в ответ написала только «Да» и поставила улыбающуюся мордочку. Даже не повторила «Люблю тебя», рассчитывая сказать эти слова сегодня же вечером, лицом к лицу.

Да, он — «тот самый», ему это можно сказать.

Джорджо повез ее к морю, в Остию, поужинать в ресторанчике, о котором рассказывал в их первую встречу. Казалось, прошла целая вечность с того вечера, когда они болтали и болтали, боясь, возможно, что даже короткая пауза заставит их усомниться в том, что у них все получится. За ужином пили шипучее белое вино. Опьянев, Диана начала подавать своему спутнику недвусмысленные знаки.

Около одиннадцати они сели в машину и направились в Рим.

Ей было холодно в юбчонке, и Джорджо включил обогрев на максимальную мощность. Но Диана все равно жалась к нему, прислонялась к его плечу, поднимала глаза, заглядывая в лицо. Никто из двоих не проронил ни слова.

Из стереомагнитофона доносилась композиция «Сигур

Роус»².

Привстав на цыпочки, Диана сбросила туфли. Одна, затем другая с легким стуком упали на коврик. Она теперь его девушка, она может себе позволить некоторые вольности.

Не сводя глаз с дороги, Джорджо протянул руку, чтобы погладить ее колено. Она прижалась теснее, чуть не мурлыкая. Потом почувствовала, как его ладонь скользит по колготкам, залезает под юбку. Она это позволила и, ощутив, что пальцы его добрались до центра, чуть раздвинула ноги. Даже сквозь колготки и трусики он мог прощупать, какой силы достигло уже ее желание.

Она прикрыла глаза, поняв, что машина замедлила ход, чтобы съехать с автострады и по проселочным дорогам добраться до обширного соснового леса.

Диана ожидала, что это произойдет.

Несколько сотен метров они проехали на малой скорости по дороге, окруженной высоченными соснами. Иголки, скопившиеся на асфальте, скрипели под шинами. Потом Джорджо свернул налево, в самую чащу.

Как бы медленно они ни ехали, машина подпрыгивала на ухабах. Чтобы избежать толчков, Диана свернулась калачиком на сиденье.

Вскоре Джорджо остановил машину и выключил мотор. Музыка тоже смолкла. Слышался только затихающий рокот двигателя, да все громче и громче ветер шумел в ветвях. Раньше им не было слышно ветра, и теперь казалось, будто в этом шорохе скрыта какая-то тайна.

Джорджо откинул сиденье, обнял ее. Поцеловал. Диана ощутила, как нежно проскользнул его язык между

ее раздвинутых губ. Она ответила на поцелуй. Он завозился с мелкими пуговичками на ее блузке, задрал майку, нащупал бюстгальтер. С минуту помедлил, ища крючки. Потом просунул под него пальцы, приподнял и освободил грудь, которую тут же стиснул.

Неповторимое ощущение, когда кто-то открывает тебя впервые, подумала Диана. Поддаешься ему и в то же время представляешь себе, что испытывает он. Чувствуешь его возбуждение, его удивление.

Она протянула руки, чтобы вытащить ремень и расстегнуть на нем брюки, а он тем временем пытался стащить с нее юбку вместе с колготками. При этом губы их не переставали сближаться, словно без поцелуев обоим не хватало воздуха.

В какой-то момент Диана бросила взгляд на приборную доску, посмотреть, который час, надеясь,

что еще не слишком поздно, испугавшись вдруг, что вот-вот запиликает мобильник: мать позвонит и разрушит все очарование.

Движения их сделались более торопливыми, ласки более глубокими. Очень скоро они сняли с себя всю одежду и созерцали друг друга в редкие моменты между поцелуями, когда открывали глаза. Но смотреть было необязательно, они учились познавать друг друга иными чувствами.

Потом он погладил ее по щеке, и она поняла, что момент настал. Немного отодвинулась: сейчас, наверное, Джорджо спросит почему, боясь, что она передумала. И тогда она скажет: «Люблю тебя», слова, которые приберегала для него весь этот день. Но, не обращая на нее внимания, Джорджо медленно повернулся к ветровому стеклу. Это

задело ее самолюбие: с чего вдруг любимый отвернулся. Хотела было потребовать объяснений, но осеклась. В ошеломленном взгляде Джорджо читался вопрос. Тогда приподнялась и Диана.

Перед капотом кто-то стоял. И пристально смотрел на них.

² «Сигур Роус» (в переводе с исланд. — «роза победы») — исландская пост-рок-группа, основанная в 1994 г.

4

С постели ее сорвал телефонный звонок.

Поступил приказ немедленно отправляться в сосновый лес вблизи Остии, без дальнейших объяснений.

По-быстрому надевая форму, тихонько, чтобы не разбудить Макса, Сандра старалась от всего отрешиться. Такие звонки случались редко. Но когда случались, это было как выброс адреналина, приступ страха, удар ниже пояса.

Поэтому надо подготовиться к худшему.

Сколько сцен преступления посетила она со своим фотоаппаратом? Сколько трупов дождалось ее? Изуродованных, оскверненных или просто неподвижно застывших в нелепой позе. Перед Сандрой Вегой стояла неблагоприятная задача запечатлеть этих людей в последний раз.

Кому сегодня предстоит получить снимок на память о собственной смерти?

Найти нужное место оказалось нелегко. Еще не поставили полицейское ограждение, за которое могут заходить только те, кто имеет на это право. Не мигал проблесковый маячок. Не толпились сотрудники, не громоздились технические средства. Когда Сандра подъехала, основная часть группы находилась еще в пути, да и нужны они все были только для солидности. Для средств массовой

информации, для властей, для того, чтобы люди чувствовали: их хорошо охраняют.

В самом деле, в тот момент только один патруль стоял у въезда на дорогу, уводившую в лес. Чуть впереди — фургон и пара машин. Никакого парада в честь двоих новопреставленных. Пора зрелищного развертывания сил еще не наступила.

Но войско прибывало на поле битвы, заранее потерпев поражение.

Поэтому люди, по-настоящему необходимые для расследования, уже были здесь, сбившиеся в жалкую кучку. Прежде чем присоединиться к группе, Сандра вынула из багажника сумку с оборудованием и, не зная еще, что ее ожидает, надела белый комбинезон с капюшоном, чтобы не загрязнить место преступления.

Комиссар Креспи шагнул ей

навстречу. Обозначил ситуацию одной скупой фразой:

— Тебе не понравится.

Потом они вдвоем углубились в чашу.

Прежде чем эксперты примутся за поиски улик и вещдоков. Прежде чем коллеги-полицейские зададутся вопросом, что здесь случилось и почему. Прежде чем ритуал расследования начнется официально, дело было за ней.

И все стояли вокруг в ожидании. Сандра чувствовала себя так, будто опоздала на торжественное мероприятие. Люди вполголоса переговаривались, искоса поглядывали на нее, когда она проходила мимо, надеясь, что фотограф поторопится и они смогут приступить к работе. Двое полицейских допрашивали бегуна, который во время утренней тренировки наткнулся на этот ужас,

приведший их всех сюда. Спортсмен сидел на бревне, сжав голову руками.

Сандра шла следом за Креспи. Неправдоподобную тишину соснового леса нарушал шелест иголок под их подошвами, но еще более — приглушенное дребезжание мобильного. На этот звук Сандра почти не обратила внимания, сосредоточившись на сцене, которая понемногу вставала перед ней.

Коллеги ограничились тем, что натянули по периметру красно-белую ленту. В центре стоял автомобиль, все дверцы которого были распахнуты настежь. Согласно протоколу, единственный, кто к этому моменту проник за ограждение, был судмедэксперт.

— Астольфи только что засвидетельствовал смерть, — объявил комиссар Креспи.

Сандра разглядела хилого, маленького человечка, который был похож скорее на кабинетного работника. Завершив свое дело, он вылез из-под ленты и теперь машинально курил, собирая пепел в ладонь. Но глаз не сводил с машины, словно ему не давала покоя какая-то мысль.

Когда Сандра и Креспи подошли, он заговорил, не отрывая взгляда от сцены преступления:

— Для отчета мне понадобится по меньшей мере два снимка с каждого ранения.

Только в эту минуту Сандра поняла, что привлекало внимание судмедэксперта.

Отдаленное дребезжание
мобильника.

И поняла также, почему никто не мог прекратить этот звук. Он доносился из машины.

— Мобильник девушки, —

пояснил Креспи, хотя Сандра и не спрашивала. — Он в сумочке, на заднем сиденье.

Кто-то беспокоился из-за того, что она ночью не вернулась домой. И теперь искал ее.

Кто знает, сколько времени мобильник звонил. И полицейские ничего не могли поделаться. Спектакль должен идти по сценарию, еще слишком рано для финальной сцены. И ей придется заниматься фотосъемкой под этот душераздирающий аккомпанемент.

— Глаза открыты или закрыты? — спросила она.

Такой вопрос могли понять только те, кто привык посещать места преступлений. Иногда убийцы, даже самые жестокие, закрывали жертвам глаза. От стыда, не из милосердия.

— Глаза открыты, — ответил судмедэксперт.

Этот убийца как раз хотел, чтобы на него смотрели.

Мобильник, безразличный ко всему, повторял и повторял свой громкий призыв.

Задача Сандры состояла в том, чтобы сцена застыла до того, как непогода и поиски ответов исказят ее. Фотоаппарат служил ей ширмой, отделял ее от ужаса, от боли. Но из-за этого звона эмоции грозились просочиться сквозь защитный барьер и заставить ее страдать.

Она прикрылась рутиной ремесла, правилами, усвоенными много лет назад, во время обучения. Если она проведет фотосъемку по заданной схеме, все скоро закончится и, может быть, она успеет еще вернуться домой, снова залезть в постель, к Макс, прижаться к его теплему телу и сделать вид, будто этот холодный

зимний день вовсе не начинался.

От общего к частному: она взяла «рефлекс» и начала снимать.

Вспышка за вспышкой волнами накатывали на лицо девушки, растворяясь затем в холодном ненужном свете зари. Сандра стояла перед капотом, но, сделав с дюжину снимков машины, поставила камеру ниже.

Девушка пристально смотрела на нее через ветровое стекло.

В ее ремесле существовало неписаное правило. И она, и ее коллеги неукоснительно следовали ему.

Если глаза трупа открыты, сделать так, чтобы они не смотрели прямо в объектив.

Это чтобы избежать тягостного впечатления «фотосессии с мертвой моделью». Девушку напоследок, сказала себе Сандра. Она решила начать со второго тела.

Труп находился в нескольких метрах от машины. Опрокинут на землю, лицом в сосновые иглы, руки протянуты вперед. Голый.

— Мужчина, приблизительный возраст от двадцати до двадцати пяти лет, — наговаривала Сандра в микрофон с наушниками, соединенный с записывающим устройством, которое лежало в кармане комбинезона. — Огнестрельное ранение в затылок.

Волосы вокруг входного отверстия были явно обожжены, значит убийца стрелял с очень близкого расстояния.

Сандра поискала в объектив отпечатки следов парня. Обнаружила пару на влажной земле. Отпечаток пятки такой же глубокий, как носка. Он не бежал, а шел.

Не удирал, подумала Сандра.

— Убийца заставил юношу выйти из машины и встал за его спиной.

Потом выстрелил.

Казнь.

Она нашла еще отпечатки. На этот раз — обуви.

— Следы идут по кругу.

Они принадлежали убийце. Сандра последовала за оставшимися на земле отпечатками, предварительно фотографируя их: камера послушно вбирала в себя изображения, которые затем перейдут в компьютерную память. Подошла к дереву. У его подножия разглядела небольшой квадрат, очищенный от иголок. Надиктовала координаты.

— В трех метрах к юго-востоку поверхностное нарушение целостности почвы. Место как будто расчищено.

Отсюда все началось, подумала она. Здесь он устроил засаду. Сандра подняла объектив, определяя поле обзора убийцы.

Отсюда, из леса, можно было хорошо разглядеть машину молодой пары, при этом оставаясь невидимым.

Ты наслаждался зрелищем, да? Или оно тебя взбесило? Сколько времени ты стоял здесь, наблюдая за ними?

Отсюда она продолжила съемку в обратном направлении, следуя к автомобилю по наискратчайшей диагонали, повторяющей путь убийцы. Снова очутившись перед капотом, Сандра опять почувствовала на себе взгляд девушки с переднего сиденья, как будто искавший именно ее.

И она во второй раз этот взгляд проигнорировала, занявшись автомобилем.

Она двинулась к заднему сиденью. Там валялась вперемешку одежда обеих жертв. У Сандры сжалось сердце. Она представила

себе, как влюбленные готовятся к свиданию, как волнуются, стоя перед шкафом, раздумывая, что бы такое надеть, как понравиться другому, привлечь его: наслаждение, построенное на любви к ближнему.

Они уже были голые, когда монстр их застиг, или он их заставил раздеться? Смотрел, как они занимаются любовью, или вмешался и прервал их? Сандра выкинула из головы эти мысли: не ее дело давать ответы, лучше сосредоточиться на деталях.

Среди одежды лежала черная сумочка, откуда доносились звонки мобильного. К счастью, сейчас он молчал, давая им всем передышку, но скоро затрезвонит снова. Сандра ускорила процесс. Здесь дремал источник боли, и ей не хотелось в самый неприятный момент оказаться слишком близко к этой

штуковине.

Дверца, распахнутая со стороны пассажира, открывала нагое тело девушки. Сандра нагнулась к ней.

— Женщина, приблизительно двадцать лет. На трупе нет одежды.

Руки девушки прижаты к бокам; веревкой, какую используют альпинисты, она привязана к сиденью, наклоненному под углом примерно в сто двадцать градусов. Шея отдельно примотана к подголовнику: веревка душила ее при малейшем движении.

В этот спутанный клубок был воткнут большой охотничий нож. Рукоятка торчала из груди. Удар был нанесен с такой силой, что убийца не смог извлечь оружие, пришлось оставить его здесь, закрепила Сандра.

«Рефлекс» увековечил полосу запекшейся крови, которая стекла по животу жертвы, а потом,

пропитав сиденье, собралась небольшой лужицей между босых ступней и пары туфель на каблук. Изысканных туфель на каблук, мысленно поправила Сандра. Перед ней предстал воочию романтический вечер.

Наконец, набравшись храбрости, она принялась снимать лицо крупным планом.

Голова слегка склонилась влево, черные волосы встрепаны. Сандре неудержимо захотелось причесать их, пригладить, как младшей сестричке. Она заметила, что девушка очень хорошенькая, с такими тонкими чертами, какие только юность умеет изваять. Там, где ее не смыли слезы, виднелись следы косметики. Наложеной умело, чтобы прибавить красоты и подчеркнуть ее: похоже, девушка разбиралась в таких вещах.

Работала визажисткой или

продавщицей в парфюмерном магазине, подумала Сандра.

Уголки рта, однако, были как-то неестественно опущены. Губы покрывала яркая помада.

Сандру пронзило странное ощущение. Что-то здесь было неправильно, однако в тот момент ей не удалось угадать, что именно.

Она просунулась в салон, чтобы лучше заснять лицо. Следуя правилу фотографов-криминалистов, выбирала ракурсы, позволявшие избежать прямого взгляда в камеру мертвого лица. Ей и самой не хотелось глядеть в эти неживые зрачки, более того, не хотелось, чтобы они смотрели на нее так пристально.

Мобильник снова заверещал.

Вопреки всем усвоенным правилам, Сандра невольно закрыла глаза: пусть «рефлекс» сам дощелкает последние кадры. Ей

пришлось подумать о тех, кто незримо присутствовал при этой сцене, хотя физически их и не было тут. О матери и отце девушки, о том, как они жаждут ответа, чтобы избавиться наконец от мучительной тревоги. О родителях юноши, которые, может быть, еще и не знают, что их сын сегодня ночью не вернулся домой. О том, кто причинил столько боли и теперь, за километры отсюда, наслаждается тайной радостью убийц, садистской щекоткой в сердце и похваляется тем, что невидим.

Сандра Вега дождалась, пока «рефлекс» завершит работу, и вылезла из тесного салона, где пахло мочой и слишком молодой кровью.

«Кто он?»

Вопрос этот вертелся на языке у всех присутствующих. Кто сотворил

это? Чья злая воля?

Когда монстра нельзя опознать в лицо, сойти за него может любой. Каждый смотрит на другого с подозрением, спрашивая себя, что таится под видимостью, и осознает, что за ним самим наблюдают с тем же вопросом во взгляде.

Если человек запятнал себя ужасным злодеянием, под сомнение ставятся не только отдельные люди, но и весь человеческий род, к которому принадлежит злодей.

Поэтому даже полицейские этим утром избегали смотреть друг на друга. Только арест виновного избавит их от проклятия подозрений.

За неимением преступника, оставалось выяснить личности жертв.

Девушка пока оставалась безымянной. И это было благом для Сандры. Она не хотела знать это

имя. Зато по номеру машины выяснили имя юноши.

— Его звали Джорджо Монтефьори, — сообщил Креспи судмедэксперту.

Астольфи вписал имя в один из бланков, лежавших у него в прозрачной папочке. При этом он прислонился к фургону из морга, который только что прибыл, чтобы забрать тела.

— Я бы хотел сразу произвести вскрытие, — заявил патологоанатом.

Сандра подумала, что такая спешка связана с тем, что он хочет внести свой вклад в расследование, но вынуждена была от этой мысли отказаться, услышав дальнейшие разъяснения.

— Сегодня мне еще нужно заняться автомобильной аварией и подготовить заключение для суда, — перечислял он без тени

сострадания.

Канцелярская крыса, подумала Сандра. Ее возмутило такое отношение к погибшим: неужели они не заслужили больше сочувствия?

Тем временем эксперты-криминалисты завладели местом преступления и начали сбор улики и вещественных доказательств. И как раз в тот момент, когда можно уже было забрать мобильник девушки, аппарат снова смолк.

Сандра перестала следить за разговором судмедэксперта с комиссаром и перевела взгляд на одного из криминалистов, который, вынув мобильник из сумочки, направлялся к красно-белой ленте, чтобы вручить его сотруднице.

Как только прозвучит новый звонок, ей предстоит ответить. Сандра не завидовала коллеге.

— Ты за утро справишься?

Сандра отвлеклась и не слышала, что ей говорил Креспи.

— Что?

— Я спросил, сможешь ли ты предоставить материалы сегодня утром, — повторил комиссар, показывая на «рефлекс», лежащий в фургоне для оборудования.

— О да, конечно, — поспешила успокоить его Сандра.

— Может быть, прямо сейчас?

Ей бы хотелось удрать и заняться работой в квестуре. Но раз начальник настаивает, делать нечего.

— Хорошо.

Она открыла ноутбук, чтобы подсоединить фотоаппарат и сохранить кадры из карты памяти. Потом она пошлет их по электронной почте и наконец-то выйдет из этого кошмара.

Сандра первой приходила на место преступления, но первой и

уходила с него. На этом ее работа заканчивалась. В отличие от коллег, она могла обо всем забыть.

Пока она подсоединяла фотоаппарат, другой полицейский принес Креспи бумажник погибшей девушки. Комиссар открыл его, чтобы проверить, нет ли там документов. Сандра узнала фотографию на удостоверении личности.

— Диана Дельгаудио, — прочел Креспи внезапно севшим голосом. — Двадцать лет, проклятье.

Все ненадолго смолкли.

Не сводя глаз с документа, комиссар перекрестился. Он был верующий. Сандра мало знала его, Креспи был не из тех, кто выставляет себя напоказ. В квестуре его уважали скорее за выслугу лет, чем за особые достижения. Но наверное, для такого преступления он подходил как нельзя лучше.

Человек, способный расследовать ужас, не пытаясь поживиться за счет сенсации или продвинуться по службе.

Для двух погибших ребят богобоязненный полицейский мог оказаться великим благом.

Кресси повернулся к полицейскому, который принес бумажник, и вернул его. Глубоко вдохнул и выдохнул.

— Ладно, пойдём сообщим родителям.

И они удалились, оставив Сандру с ее снимками. Тем временем кадры замелькали по экрану ноутбука, скачиваясь из одной памяти в другую. Глядя на них, Сандра быстро прошла по своей утренней работе. Кадров было почти четыре сотни. Один за другим: фотографии немого фильма.

Ее отвлек звонок мобильного, которого все ждали. Она

повернулась к коллеге. Та прочла на дисплее имя звонящего. Провела рукой по лбу и наконец ответила:

— Здравствуйте, синьора Дельгаудио, с вами говорят из полиции.

Сандра не могла уловить, что говорит мать на другом конце связи, но могла представить себе, что она почувствовала, услышав чужой голос и слово «полиция». То, что до сих пор было всего лишь дурным предчувствием, превращалось в чудовищную боль.

— Патрульные выехали к вам, чтобы объяснить ситуацию, — попыталась успокоить ее коллега.

Сандра не могла больше это слушать. Она снова сосредоточилась на кадрах, мелькавших на компьютере, надеясь, что программа быстро загрузит их. Сандра давно приняла решение не иметь детей, поскольку

больше всего боялась, что они попадут на такие же фотографии, как те, которые проходили перед ней в этот момент. Лицо Дианы. Отсутствующее выражение. Встрепанные черные волосы. Косметика, расплывшаяся от слез. Губы, изогнутые в некоем подобии грустной улыбки. Взгляд, устремленный в пустоту.

Компьютерная программа почти завершила операцию по скачиванию файлов, когда по экрану пробежал крупный план, не похожий на все остальные.

Сандра инстинктивно нажала на клавишу, останавливая процесс. С сильно бьющимся сердцем вручную вернула кадр, чтобы проверить догадку. Все, что творилось вокруг, внезапно исчезло, словно его утянуло в черную дыру. Осталось только изображение на экране. Как же она не заметила?

Лицо девушки на фотографии оставалось неподвижным.

Сандра стремительно повернулась к месту преступления, ограниченному красно-белой лентой. Потом бросилась бежать.

Глаза Дианы Дельгаудио следовали за объективом.

5

— Можно узнать, как такое могло случиться?

Вопли начальника полицейского управления, отдаваясь от расписанных фресками сводов актового зала, разносились по третьему этажу старинного дворца на улице Сан-Витале, где располагалось полицейское управление.

Все шишки сыпались на тех, кто этим утром присутствовал при осмотре места преступления.

Диана Дельгаудио выжила. Но

поскольку ей не была вовремя оказана помощь, девушка сейчас сражалась со смертью на операционном столе.

Инвективы начальника полицейского управления были в первую очередь адресованы судмедэксперту. Доктор Астольфи сидел на стуле, сторбившись, под прицелом множества взглядов. Он первым произвел осмотр и засвидетельствовал две смерти, ему и отвечать за допущенную халатность.

По его словам, у девушки не было пульса. Низкие ночные температуры, влиянию которых подверглось обнаженное тело, вкуче с тяжестью полученных ран — все это было несовместимо с жизнью.

— В таких случаях достаточно поверхностного осмотра, чтобы признать бесполезность дальнейших усилий, — защищался Астольфи.